

ГЛАВА 3

ПРИМИТИВНОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Часть А. Формы господства

Формой существования первобытно-феодального государства является господство небольшого воинственного меньшинства, связанного тесными узами со своими союзниками, над определенной территорией и проживающим на ней населением. С течением времени на основе имеющихся обычаев развивается законодательство, в соответствии с которым осуществляется господство. Появившееся законодательство регулирует не только право первенства и притязаний лордов, но и определяет подчинение и служение со стороны подданных, которые должны осуществляться не в ущерб населению. Таким образом, как видим, «забота о пчелах» со стороны «медведя» регулируется историческими обычаями: с одной стороны, крестьяне обязуются уплачивать дань, а лорды, с другой стороны, обязуются защищать зависимое население от возможных поборов со стороны соседей и набегов чужестранцев.

Несмотря на то что экономическая эксплуатация представляет собой лишь одну из составных частей концепции «Государства», помимо нее существует и куда более важная — политические методы удовлетворения потребностей. В реальности это означает, что крестьянин отчуждает часть произведенного продукта в пользу своего лорда, но не получает ничего взамен. Таким образом, можно сказать, что в основе первобытно-феодального государства лежит «земельная рента».

Существует несколько форм взимания и потребления рентных платежей за пользование землей. В некоторых случаях лорды, представляя собой закрытую общину, селились отдельно от крестьян в укрепленном районе и использовали взимаемую плату с зависимого населения по сво-

ему усмотрению. В империи инков, например, взимание рентной платы шло именно по этой схеме. В другом случае, например в Спарте, каждому дворянину-воину выделялась определенная территория, доход от которой использовался для «прокорма» не только самого дворянина, но и его собратьев по оружию. Бывали и такие ситуации, при которых землевладельческое дворянство было разбросано по значительной территории, — в таких случаях дворянин, как правило, строил для себя и своих приближенных укрепленный замок, который позволял ему контролировать территорию и собирать доход с зависимого населения для последующего потребления. Таким образом, дворянин получает дань от труда зависимого населения, в дела которого он особо не лезет, — такая схема взаимодействия лорда и населения была широко распространена в Средневековье на землях германской знати. В конце концов дворянин становится владельцем и распорядителем «рыцарского гонорара» (*knight's fee*)*, в результате чего зависимое от дворянина население трансформируется в обычных работников, а взимаемая дань начинает восприниматься в качестве прибыли предпринимателя. По сути, это одна из ранних форм капиталистического предприятия, в основе которой лежала эксплуатация значительных территорий к востоку от Эльбы, которые ранее были заселены славянскими народами, а затем колонизированы немцами.

Между разными этапами развития общественных отношений лежит множество переходных периодов, но суть и основа «Государства» от этого не меняются, — вне

* *Rittergutsbesitz* (рыцарское поместье) — это конечная формула немецкой феодальной системы, загородная территория, приближающаяся к понятию рыцарского гонорара в налоговом законодательстве Анжевена; в современном германском законодательстве — владение землей, отчуждаемой только как единое целое, и, в соответствии с недавним законодательством, отчуждаемое недворянам, но способное и подлежащее к определенным исключениям в законодательстве, не присутствующим другим формам недвижимости. — *Прим. амер. перев.*

зависимости от этапа формирования «Государства» его основной целью является применение политических средств для удовлетворения потребностей: на фоне слабого развития торговой деятельности, результаты которой можно было бы присвоить, для взимания земельной ренты активно применяются политические методы. По сути, это форма реализации господствующего положения, при которой эксплуатация рассматривается в качестве «справедливой», легитимность которой поддерживается на законодательном уровне, и в случае необходимости применяются силовые методы для сохранения установленного порядка. Таким образом, абсолютное право завоевателя ложится в основу законодательства и легитимизирует процесс извлечения земельной ренты, а обязанность зависимого населения по поддержанию дворянства ограничивается его способностями по обеспечению приемлемого для себя уровня жизни. При этом право лордов на налогообложение определяется их обязанностью по поддержанию внутреннего порядка и защиты от внешних врагов.

На данном этапе уклад первобытного «Государства» полностью сформирован, и, миновав «эмбриональную стадию», оно готово к дальнейшему развитию.

По сравнению с союзом семей «Государство», вне всякого сомнения, представляет собой более сложную и развитую структуру. Причиной этого является то, что «Государство» охватывает большую массу организованных людей, способных укрощать природу и отражать набегив врагов. С появлением «Государства» заканчивается относительная вольница и наступает эра тяжелой и методичной работы, которая приносит неисчислимые страдания бесчисленным поколениям людей, включая еще даже не рожденных, — заканчивается «золотая эра» кровных связей между людьми, и на смену ей приходит эра жесткого государственного господства. Своим появлением «Государство», однако, формирует совершенно новый уровень общественных отношений, при котором возможно достижение «золотого века» для больших масс людей. Пользуясь

словами Шиллера, «Государство» уничтожает у людей радость их детства, чтобы путем страданий привести их к осознанному счастью в зрелости.

Более высокоразвитый вид! Уже Павел Федорович Лиленфельд-Тоаль, один из главных сторонников представления о том, что общество представляет собой организм высшего порядка, указал на то, что в этом отношении можно провести особенно поразительную параллель между обычными организмами и этим сверхорганизмом. Все высшие организмы размножаются половым путем, а низшие при помощи деления, почкования и иногда — слияния. Как было показано ранее, простое деление точно соответствует этапу общественных отношений на основе кровного родства, существовавших до появления «Государства». Со временем «организм» растет и крепнет, пока не станет слишком большим для сохранения сплоченности, — тогда он утрачивает единство, делится, и связь между отдельными ордами резко ослабевает, если они вообще поддерживают связи. Таким образом, термин «слияние» вполне подходит для описания процесса объединения экзогамных общественных групп.

В отличие от этого *«Государство» возникает через половое размножение*, когда маленький и подвижный мужской сперматозоид находит и оплодотворяет большую и неподвижную женскую яйцеклетку. Итогом процесса оплодотворения становится быстрое развитие «плода», в основе которого лежат изумительная дифференциация и одновременная интеграция. Таким образом, в процессе создания «Государства» малоподвижные земледельцы, имеющие крепкие связи с землей, представляют собой женскую яйцеклетку, а мобильные и высокоподвижные скотоводы — мужской сперматозоид. В результате проведенного «оплодотворения» на свет появляется высший социальный организм, имеющий высокую степень дифференциации своих внутренних органов и одновременно — большую степень интеграции. Легко найти еще ряд параллелей. Например, можно сравнить пограничные конфликты с тем,

как бесчисленные сперматозоиды роятся вокруг яйцеклетки, пока, наконец, один из наиболее сильных и удачливых «живчиков» ее не оплодотворит. Можно сравнить почти магическую притягательность яйцеклетки для сперматозоидов с не менее магической силой, влекущей орды кочевников из степей в набег на возделанные равнины.

Но все вышеперечисленное не может служить доказательством «организма». Проблема тем не менее была обозначена.

Часть Б. Интеграция

Процесс формирования «Государства» мы рассматривали начиная со второго этапа, принимая во внимание политические, законодательные и экономические составляющие, но поскольку всякая социология представляет собой социальную психологию, то гораздо важнее в процессе формирования проследить социально-психологическую «дифференциацию и интеграцию». Удобнее всего начать с рассмотрения вопроса интеграции.

На втором этапе, как было сказано выше, по мере развития экономического взаимодействия налаживаются более тесные связи между победителями и побежденными. С течением времени происходит слияние языков победителей и побежденных в один универсальный язык, либо один язык уступает свое место другому и постепенно отмирает за ненужностью. Чаще всего «бесполезным» становится язык побежденных, но иногда случается и так, что отмирает язык победителей. Религиозные верования также не остаются в стороне, и происходит симбиоз культов победителей и побежденных. При этом прослеживается определенная закономерность, когда главное место в пантеоне занимает божество победителей, а боги побежденных занимают подчиненную роль и становятся его слугами либо, в некоторых случаях, даже его врагами — демонами и прочей нечистью. Под влиянием климата и схожего образа жизни происходит формирование физических пропорций

человеческого тела, или, другими словами, — «национальных черт». В тех случаях, когда между победителями и побежденными наблюдалась серьезная дифференциация, то ее до определенной степени заполняли незаконнорожденные дети (бастарды)⁴⁵, и со временем, несмотря на имеющийся этнический контраст, победители и побежденные начинают ощущать свое отличие от внешних (иностранных) врагов. Знать и подданные начинают воспринимать друг друга как «мы», по крайней мере при сравнении с внешними врагами, и постепенно воспоминания о различном происхождении уходят в небытие. Со временем победители становятся сыновьями старых богов, что во многих случаях соответствует действительности, так как боги победителей — это не что иное, как души их предков, обожествленных их потомками.

Принимая во внимание, что новоиспеченные «Государства» являются более агрессивными формированиями, чем племенные союзы, скрепленные узами крови, даже среди мирного населения начинает все больше распространяться чувство противопоставления иностранцам, которое растет и укрепляется по мере ведения бесконечных войн и междоусобиц. В то же время среди населения растет и чувство единения со своими соотечественниками, и с течением времени дух братства и справедливости, прежде существовавший только в племенных союзах и который всегда был присущ людям благородного происхождения, укореняется повсюду и находит применение в отношениях знати и зависимого населения.

Поначалу подобное поведение проявляется только в редких случаях — «справедливость» и «братство» допускаются к использованию в такой форме, которая не нарушает право на использование политических методов. Но, согласимся, такой подход дорого стоит! Таким образом, тесная психологическая связь между знатью и подданными укрепляется не столько за счет успешных отражений набегов внешних врагов, сколько за счет правовой защиты зависимого населения от произвола могущественной знати.

«Justitia fundamentum regnorum» («Правосудие — основа государства»), и когда аристократы как социальная группа в соответствии со своими идеалами справедливости совершают правосудие над представителем своего класса за различного рода преступления (убийство, грабеж, лихоимство), население встречает подобные действия с таким воодушевлением и благодарностью, которые не идут ни в какое сравнение с радостью от побед над внешними врагами.

Таковы основные направления развития психологической интеграции между победителями и побежденными, когда общие интересы в поддержании закона и порядка порождают сильное чувство солидарности, которое можно назвать «государственным сознанием».

Часть В. Дифференциация: теории групп и групповая психология

По мере укрепления «Государства» начинает формироваться психологическая дифференциация, а общие интересы социальной группы порождают «групповую психологию», при которой каждый из высших и низших классов развивает «классовое сознание», соответствующее специфическим интересам социальной группы.

Одним из главных интересов правящего класса является поддержание существующего законодательства, легитимизирующего политические методы воздействия. Иными словами, в основе процесса по сохранению существующего статус-кво лежит «консерватизм», тогда как **основным интересом подчиненных социальных групп являются стремление к устранению привилегированного положения правящего класса и принятие законодательства, предусматривающего равенство всех граждан перед законом.** Интересы подчиненных социальных групп, как правило, принято называть «либеральными» или революционными.

Именно здесь кроется корень классовой и партийной психологии. Неудивительно, что в соответствии с определенными психологическими законами развиваются

различные «классовые теории», которые на протяжении тысячелетий любой социальный конфликт объясняют наличием «классовой борьбы».

Шопенгауэр писал: «Когда говорит воля, разум должен молчать». Эту же мысль, но по-другому выразил Людвиг Гумплович: «Человек совершает свои поступки в соответствии с естественным правом и только затем дает им рациональное объяснение». Таким образом, воля человека является «предопределенной», и он вынужден поступать так, как диктует его окружение. Подобное поведение характерно для любого сообщества людей — группы, класса или «Государства». Социальные группы и классы стремятся избегать таких областей, где возможно сильное социальное или экономическое давление, и предпочитают достичь компромисса на приемлемых для всех условиях. Однако каждый человек или сообщество предпочитает считать себя свободным в принятии решений, и, в силу психологических законов, они вынуждены рассматривать путь, по которому они движутся к намеченной ими цели, в качестве «свободно избранного». Ну а поскольку человек является рациональным существом, наделенным моралью, он вынужден обосновывать перед самим собой методы достижения целей, принимая при этом во внимание и существующее общественное мнение.

До тех пор пока отношения победителей и побежденных были отношениями недавних врагов, использование политических методов не требовало оправдания. Причиной подобного поведения было то, что у человека «чужой крови» не было никаких прав. Но с началом процесса психологической интеграции бывших врагов происходит формирование единого общественного сознания, а представители подчиненных классов обретают набор «прав». Постепенно стремление к равенству всех граждан перед законом овладевает массами, и возникает насущная необходимость оправдания политических методов — так в правящем классе зарождается групповая теория о «легитимности» применения политических методов.

Повсеместно сторонники «легитимности» оправдывают господство и эксплуатацию со стороны правящего класса, используя различные антропологические и теологические выкладки. Правящий класс, признающий мужество и способность к войне в качестве единственной добродетели, объявляет себя победителем, так как с его точки зрения «высшая раса» наиболее продуктивна. В связи с тем что подчиненные классы изнурены тяжелой работой и плохим питанием, точка зрения о «высокой продуктивности» правящего класса имеет веские основания для своего существования. Помимо этого, поскольку племенной бог правящего класса занял место верховного божества в религии новоиспеченного «Государства», представители религиозных кругов с полным на то основанием заявляют, что уклад государства «определен небесами», и любые попытки изменить существующий государственный строй представляют собой не что иное, как кощунство. Таким образом, вследствие логической инверсии эксплуатируемые и подчиненные группы рассматриваются в качестве «низшей расы» — абсолютно недисциплинированной, хитрой, ленивой, трусливой и совершенно неспособной к самоуправлению и обороне, а любые попытки восстания против навязанного уклада рассматриваются в качестве посягательства на самого Господа Бога и его тайнства. По этим причинам правящий класс во все времена находится в теснейшем союзе со священнослужителями, и нередко представители правящего класса занимают высокие посты в церковной иерархии, что в итоге приводит к переносу убеждений правящего класса в церковную среду.

С момента своего появления классовая теория о правящем классе не претерпела особых изменений. Например, одним из аргументов, при помощи которого знатные землевладельцы Франции и Пруссии оспаривали притязания крестьян на землю, была апелляция знати к тому факту, согласно которому они владели землями с «незапамятных времен», тогда как крестьянам земля сдавалась лишь в пожизненное пользование (иными словами — было

ограничение временными рамками). Удивительно, но факт: подобный аргумент распространен в среде африканского племени вахинда⁴⁶, и с большой долей вероятности можно отыскать другие примеры использования подобного аргумента.

Психология правящего класса, как и его классовая теория, не меняется со временем, и одной из важных ее характеристик является полное презрение и неуважение подчиненных социальных групп. Часто такое презрительное отношение к «низшим классам» скрывается под понятием «аристократическая гордость». Подобное отношение к представителям «низших классов» настолько сильно в среде аристократии, что даже после того, как они потеряли все свои стада и стали экономически зависимыми, знатные люди сохраняют свою «аристократическую гордость» на правах бывших лордов. По этому поводу Фридрих Ратцель писал: «Представители народности галла, разоренные набегами сомалийских племен и вынужденные после разорительных набегов стать наемными пастухами и крестьянами у племени вапокомо, продолжают презрительно относиться к принявшему их в услужение племени. Представители племени галла, относясь с презрением к племени вапокомо, относятся совершенно по-другому к схожим с ним по духу охотничьим племенам вабони, васанай и валангуло»⁴⁷.

Следующее описание народности тубу можно легко применить к Готье Нищему (французский рыцарь, прозванный так за свою бедность) и другим обедневшим рыцарям, искавшим власть и деньги в военных походах. Подобное описание справедливо для германской (особенно с территорий восточней Эльбы) и обедневшей польской знати. «Эти люди преисполнены чувством собственного достоинства, и, несмотря на то что они могут быть нищими, они тем не менее не относятся к категории отверженных. При подобном положении дел множество людей были бы совершенно подавлены и демотивированы, но представители народности тубу обладают сильным внутренним

стержнем. Более того — они обладают всеми необходимыми навыками, чтобы быть грабителями, воинами и правителями, а их способы получения добычи не могут не восхищать, даже несмотря на то, что они сильно напоминают нападение стаи шакалов на ослабевшую жертву. Так вот, эти грязные и оборванные представители народности тубу, живущие в крайней нищете и балансирующие на грани голодной смерти, выдвигают самые возмутительные требования, искренне веря в их обоснованность. Мировоззрение шакала, рассматривающее собственность других людей в качестве законной добычи, защищает народность тубу от крайней нужды. Постоянная угроза смерти во время постоянных набегов и боевых действий приводит к тому, что сама жизнь становится серьезным испытанием и в то же время наградой за успешно проведенные грабежи!»⁴⁸ Описанное явление не ограничивается, конечно же, пределами Восточной Африки, поскольку даже сейчас об абиссинском солдате говорят, что он на всех смотрит свысока, — ведь земля принадлежит ему, а за него должен работать крестьянин⁴⁹.

Принимая во внимание, что аристократия повсеместно презирает экономические методы, равно как и их основного бенефициара — крестьян, неудивительно, что предпочтение отдается политическим методам воздействия. «Благородная война» и «узаконенный грабеж»* — вот занятия, достойные аристократов, и даже более — их законное право, под действие которого не попадают разве что только представители их круга. Отличной иллюстрацией применения политических методов является старая застольная дорическая песня:

У меня есть большие сокровища; копье и меч;
 При этом, защищая мое тело,
 шит бычьей шкуры хорошо постарался.
 С их помощью я могу пахать и собирать урожай,
 С ними я могу собрать сладкое виноградное вино,

* Сравните это с распространенным оправданием «честного взяточничества» в муниципальных или политических контекстах. — *Прим. амер. перев.*

Благодаря им я ношу имя «Господин»
со своими крепостными.

Но они никогда не осмеливаются носить копье и меч,
Еще меньше защитник тела, щит из бычьей шкуры
для них постарался.

Они лежат у моих ног, распростерты на земле,
Моя рука облизана ими, как гончими собаками,
Я их персидский король, ужасающий
их своим именем⁵⁰.

В приведенной выше песне довольно откровенно выражена гордость воинов древности. Следующее же стихотворение, относящееся совершенно к иной фазе цивилизации, убедительно демонстрирует, что положительное отношение к грабежу присуще всем войнам, несмотря на распространение христианского учения и существование Священной Римской империи германской нации:

Ты бы не отказался от своей жизни, мой юный
благородный сквайр?
Следуй же за моим учением и на своем коне
присоединяйся к банде!
Заберись на дерево, когда крестьянин подходит,
Бросайся, свали его и хватай за шиворот,
Возрадуйся сердцем, забирая все, что есть у него,
Запрягай его лошадой и убирайся быстрее!⁵¹

Вернер Зомбарт по этому поводу писал: «В некоторых случаях доходило даже до того, что аристократы выбирали в качестве жертв своих набегов людей благородного происхождения и не гнушались грабежей торговых караванов. Таким образом, аристократы воспринимали грабеж в качестве своего естественного занятия, основной целью которого становилось регулярное пополнение казны, поскольку доходов от имеющегося имущества не хватало для удовлетворения быстро растущих потребностей дворянства. Пиратство,

например, считалось весьма почетным занятием по причине того, что оно отвечало моральным установкам рыцарства и позволяло присваивать себе все то, что находилось на расстоянии вытянутого копья или меча. Недаром в шуточной народной песне поется о том, что бароны-разбойники (грабители) научились владеть (орудовать) своим ремеслом, как башмачник иглой:

**За разбой и за грабеж — нам нечего стыдиться;
Даже лучшие в стране чины — этим занимаются!**

Помимо описанной выше психологической особенности у аристократии существует и другая, не менее важная — внешне подчеркнутое благочестие, проявляемое на публике.

Судя по всему, схожие социальные идеи находят свое отражение в психологии правящего класса, зачастую, к примеру, в качестве своего «небесного покровителя» аристократия выбирает Бога Войны. При этом, несмотря на то что аристократия признает Бога в качестве творца всех людей, включая врагов, и исповедует христианство, в основе которого лежит любовь к ближнему, это не мешает аристократии формировать идеологию, соответствующую классовым интересам.

Еще одним штрихом к психологическому портрету правящего класса, о котором стоит упомянуть, является постоянная склонность к мотовству, которая иногда воспринимается в качестве своеобразной формы «щедрости», — понятное дело, что легко быть щедрым, когда при этом не нужно горбатить спину в погоне за «трудовой копеечкой». Завершая психологический портрет правящего класса, не нужно забывать о той безрассудной доблести, которая является результатом постоянной готовности аристократии к борьбе за свои права с оружием в руках. **Поддержание постоянной боевой готовности подразумевает освобождение от тяжелого труда, что позволяет тратить все свободное время на охоту, спорт и ведение междоусобиц. В итоге это приводит**

к совершенно карикатурному результату, когда боевитость и сверхчувствительность к личной чести вырождаются в форменное безумие.

В этом месте я хотел бы сделать отступление и упомянуть о том, что войска Цезаря столкнулись с кельтами Галли, когда они как раз находились на такой стадии развития «Государства», при которой уже произошло возвышение знати над своими собратьями. С тех самых пор принято считать, что классическое описание правящего класса кельтов, столкнувшихся с римлянами, относится ко всем кельтским племенам, — даже Теодор Моммзен (лауреат Нобелевской премии по литературе 1902 года за труд «Римская история») не избежал этой ловушки. В результате неверного описания теперь в каждой книге по всеобщей истории или социологии содержатся неверные сведения. Правильнее было бы указать, что все народы, вне зависимости от расы, при схожей фазе развития обладают схожими чертами характера (в Европе — фессалийцы, апулийцы, кампанцы, немцы, поляки), тогда как кельты, и в особенности французы, на разных стадиях развития «Государства» обладали разными чертами характера. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что психология народа зависит от стадии развития общества, а не от расы!

С другой стороны, любое ослабление религиозной составляющей «Государства» приводит к тому, что усиливаются позиции сторонников естественного права, а подчиненные классы начинают негативно воспринимать высокомерие и господство аристократии и открыто заявлять о том, что по чистоте крови и расы они несколько не уступают представителям правящего класса. В связи с тем что с точки зрения подчиненных классов эффективность труда и соблюдение законов представляют собой единственные добродетели, в подобных заявлениях есть определенная логика. Подчиненные классы так же довольно скептически относятся к религии, которая, по их мнению, лишь орудие в руках власть предержащих. Более того, подчиненные классы твердо убеждены в том, что

привилегированное положение правящего класса нарушает закон и справедливость.

Сейчас уже очевидно, что, находясь под влиянием разных теорий, правящий и подчиненные классы находятся в состоянии войны друг с другом, преследуя при этом собственные интересы. Без наличия объединяющих «государственный организм» центростремительных сил, в основе которых лежат общность интересов и «чувство принадлежности к Государству», молодое и неокрепшее «государственное образование» неминуемо бы развалилось под воздействием центробежных сил. Помимо внутренних центростремительных сил, «цементирующих» Государство, существуют еще внешнее давление и общие враги, совместное противостояние которым позволяет ослабить межклассовые конфликты, — подобные примеры можно найти в истории с исходом плебеев из Рима и успешным их возвращением при посредничестве Менения Агриппы. Таким образом, молодое «Государство» могло долго существовать в своем первоначальном виде, если бы с течением времени не началась его трансформация под воздействием внутренних и внешних сил.

Часть Г. Примитивное Феодалное Государство на пике развития

Процесс роста является одним из факторов важных изменений, как в самом «Государстве», так и в обществе, а это означает, что для трансформации государственных и общественных институтов рост должен быть постоянным, — силы, вызвавшие к жизни «Государство», побуждают его к расширению и росту влияния. Даже если молодое «Государство» было бы «самодостаточным», как многие государства современности, оно все равно было бы вынуждено расти и крепнуть, находясь под постоянной угрозой своего исчезновения. Это как раз тот случай, к которому как нельзя лучше подходит изречение Гёте: «Ты должен встать или упасть, победить или проиграть, быть молотом или наковальней».

Государства существуют в соответствии с теми же принципами, с которыми они «появились на свет», примитивное же «Государство» являет собой только результат грабежа, и только за счет грабежа оно может существовать.

Экономические потребности правящего класса безграничны, ведь богатые никогда ни бывают достаточно богатыми. По этой причине представители правящего класса находятся в постоянном поиске «свободных» крестьян или неосвоенных земель, эксплуатация которых сулит хорошую наживу. По этой причине примитивное «Государство» растет ровно до тех пор, пока в результате своего расширения не войдет в конфликт с другим государством, возникшим сходным образом. Именно в результате открытого конфликта государственных образований вместо привычных военных рейдов появляются первые примеры столкновения одинаково организованных и дисциплинированных структур.

В основе любого конфликта «Государств» всегда лежат одни и те же цели — конкуренция за экономически активное население, которое может быть ограблено, обложено налогами или земельной рентой. При этом конкуренция за «ресурсы» происходит уже не между группами будущих эксплуататоров и эксплуатируемых, а между правящими классами государственных образований.

Практически во всех случаях конечным результатом конфликта является слияние конфликтующих сторон в единое целое. Впоследствии появившееся в результате слияния новое «государственное образование» входит в очередной конфликт за ресурсы, постепенно подминая под себя своих соседей либо само подпадая под влияние более сильного соседа.

По вполне понятным причинам подчиненные «трудовые ресурсы» не проявляют особого интереса к разворачивающейся борьбе, — обычному трудовому народу глубоко безразлично, какой лорд будет их обирать. Единственное, что волнует обычных людей в конкурентной борьбе правящих классов, — это какой ценой будет куплена победа,

так как в конечном счете война оплачивается из их кармана. По этой причине, за исключением совсем уж вопиющего отношения к подчиненным классам со стороны знати, обычные люди склонны поддерживать представителей «своего» правящего класса в его борьбе с врагами. Логика такого поведения людей проста и понятна: в том случае, если в результате борьбы проигравшим станет «свой» правящий класс, то это приведет к ужасным последствиям (голод, разруха и т.д.). Поэтому можно сказать, что в ходе борьбы правящих классов за «трудовые ресурсы» подчиненные классы сражаются за свои семьи и кров, которые могут пострадать от нашествия чужеродных завоевателей.

В отличие от подчиненных классов правящий класс борется за свое господствующее положение до последней капли крови, и причиной подобного поведения является тот факт, что в случае поражения правящий класс может быть полностью уничтожен своими врагами, как это произошло с германскими племенами, существовавшими на территории Франкского государства. В случае поражения представители правящего класса могут избежать смерти, но попасть в зависимое положение от победителя и перейти в статус крепостных, — поэтому трудно даже сказать, какой из подобных исходов можно считать наилучшим. Иногда случается так, что своевременное заключение мира обеспечивает сносное существование правящего класса на фоне формального победителя (саксонское дворянство в норманнской Англии, паны на территориях, завоеванных Германией у славянских племен). В некоторых случаях, когда силы противников примерно равны, посредством перекрестных браков происходит слияние правящих классов, и в итоге формируется обновленный правящий класс. Так, например, было на бывших славянских территориях, когда отдельные вендские вожди приравнивались к германской знати. Другим примером был средневековый Рим, представители которого породнились с именитыми семьями Тосканы и Альбано.

Правящий класс находящегося на «высшей стадии развития примитивного феодального государства», назовем

это так, может распасться на несколько более или менее привилегированных слоев. Структура правящего класса может варьироваться от случая к случаю, и объясняется это тем, что даже на ранних этапах формирования «Государства» происходило деление правящего класса на два социально-экономических уровня. Такое деление хорошо видно на примере скотоводов, правящий класс которых разделялся на владельцев скота и рабов и свободных граждан. Вполне возможно, что менее выраженная дифференциация социальных классов в государствах, основанных охотниками, зависела от отсутствия скота и рабов на этапе формирования «Государства». Таким образом, факт владения скотом и рабами не был использован при формировании правящего класса «Государства», созданного охотниками, по причине отсутствия подобной собственности. Позже мы рассмотрим, к каким политическим и экономическим результатам в государствах Старого Света привело различие между этими двумя группами правящего класса.

Схожая картина наблюдается и с представителями подчиненных классов, которые во время «высшей стадии развития примитивного феодального государства» также делятся на различные группы и слои. Например, можно вспомнить о разнице в социальном и правовом положении, которое занимали крестьяне в дорических государствах, Спарте и Крите, и Фессалии — в первом случае (дорические государства Спарта и Крит) крестьяне были практически бесправны, а в другом (Фессалия) — обладали правом владения и имели довольно обширные политические права. У древних саксонских племен можно обнаружить пограничный класс литов, который занимал место между рабами и свободными общинниками⁵². Подобных примеров можно привести великое множество, и очевидно, что они вызваны теми же тенденциями, которые привели к разделению правящего класса, как это было упомянуто выше. Таким образом, при объединении двух примитивных феодальных государств стратификация социальных слоев осуществляется различными способами и отдаленно

напоминает процесс перемешивания двух карточных ко- лод в одну общую, конечная комбинация которой зависит от многих факторов.

Не вызывает никаких сомнений, что формирование со- циальной структуры «Государства», осуществляемой поли- тическими методами, влияет на развитие каст (иными сло- вами — наследственных профессий), которые со временем тоже занимают свое место в иерархии социальных клас- сов. По поводу каст Эдвард Вестермарк писал, что «прак- тически всегда касты являются следствием завоевания и подчинения чужеземцам»⁵³. Несмотря на то что процесс формирования каст еще не полностью изучен, можно уве- ренно сказать, что огромное влияние на него оказали эко- номические и религиозные факторы. Вероятнее всего, что касты возникли следующим образом: формирующие «Го- сударство» силы проникают в существующие экономиче- ские структуры, изменяя их сообразно «государственным потребностям», а затем произошедшие изменения закреп- ляются при помощи религиозных концепций. При этом с большой долей вероятности можно утверждать, что при изначальном формировании экономических структур ре- лигиозные концепции также играли далеко не последнюю роль. К таким выводам нас приводит тот факт, что меж- ду мужчиной и женщиной существуют определенные про- фессиональные различия, которые зачастую имеют форму прямых запретов. В представлении охотников, например, обработка земли является «женской работой», в то время как для большого количества африканских племен ското- водов обработка земли при помощи скота является чисто мужской работой, а женщины под страхом сурового нака- зания не имеют права использовать домашний скот для по- добного вида работ*.

* Точно так же существуют Североазиатские племена охотников, где женщинам категорически запрещено прикасаться к охот- ничьему снаряжению или пересекать охотничью тропу (Rat- zel I, p. 650). — *Прим. авт.*

С большой долей вероятности религиозные концепции могли в итоге привести к тому, что профессия или специализация стали передаваться из поколения в поколение до тех пор, пока не закрепились за определенными социальными группами или территориальными поселениями, особенно если племя или поселение занималось каким-нибудь ремеслом. Подобный процесс наблюдается во всех племенах, имеющих развитые отношения, и лучше всего проявляется в случаях островных жителей. В том случае, если какая-то группа была покорена чужим племенем, то в силу развитых профессиональных навыков она образует чистую «касту» в новом «государственном образовании». Кастовое положение профессиональной группы отчасти зависит от того уважения, которым она пользовалась до своего попадания в зависимость, а отчасти — от той выгоды, которую получает завоеватель от использования профессиональных навыков покоренной группы. В тех случаях, когда процесс завоевания происходит волнами, это может привести к увеличению количества каст, что особенно верно для случаев, когда развитая экономическая жизнь порождает большое количество разнообразных профессиональных групп.

Подобное развитие событий лучше всего прослеживается на примере группы мастеров кузнечного дела, которая практически всегда занимала особое положение в обществе и которая вызывала смешанное чувство страха и уважения у людей. С незапамятных времен на Африканском континенте встречаются упоминания об опытных кузнецах, которые обслуживали племена скотоводов, — во время вторжения в Африку гиксосы, например, привели с собой кузнецов, и вполне возможно, что своими победами они обязаны именно кузнецам, изготовившим гиксосам хорошее вооружение. Аналогичное положение вещей прослеживается на примерах племени динка, которое «обслуживалось» кузнецами народности дьор, и кочевников региона Сахары. Если перенестись с Африканского на Европейский континент, то и здесь мы встретим большое количество саг и легенд (особенно на севере Европейского

континента), полных страха и уважения перед особым племенем «гномов»-кузнецов. Таким образом, процесс формирования профессиональных каст опирался на существующие различия в общественном положении определенных социальных групп⁵⁴.

Влияние религии на процесс формирования профессиональных каст можно продемонстрировать на примере полинезийских племен, большинство членов которых обладали навыками кораблестроения, но до постройки кораблей допускались лишь представители особой привилегированной группы. Таким образом, на этом примере хорошо видно, что интересы «Государства» и профессиональных каст связаны самым тесным образом. Аналогичная ситуация наблюдается и на архипелаге Фиджи, где плотники и по сей день занимаются только кораблестроением и образуют особую касту, носящую гордое звание «работники короля», и имеют право на своих вождей. При этом все работы, связанные с постройкой кораблей, производятся в строгом соответствии с древними традициями — установка киля, бортов и спуск на воду сопровождаются религиозными церемониями и празднествами⁵⁵.

В областях с широко развитой системой суеверий имеются все предпосылки для возникновения кастовой системы, основанной как на экономических, так и на этнических принципах. В той же самой Полинезии, к примеру, разделение на классы посредством табу привело к формированию сложной кастовой системы⁵⁶. Схожие примеры можно встретить не только в Полинезии, но и в Южной Аравии⁵⁷, но сейчас нет особой необходимости останавливаться для изучения этого вопроса и рассматривать влияние религии на формирование и поддержание кастовых систем в Древнем Египте и современной Индии*.

* Кроме того, кажется, что жесткость индийской кастовой системы на практике не настолько жестка. Гильдия, кажется, так же часто прорывается через кастовые барьеры, как и наоборот (Ratzel II, p. 596). — *Прим. авт.*

Выше мы перечислили элементы высшей стадии примитивного феодального государства, которые более разнообразны по сравнению с ранними стадиями, но, несмотря на различия, в правовых и политико-экономических вопросах они во многом схожи. Вне зависимости от стадии развития «Государства» результаты экономической деятельности представляют собой цель, за обладание которой ведется ожесточенная борьба. Таким образом, конкурентная борьба за результаты экономической деятельности представляет собой основной движущий импульс внутренней политики «Государства», в то время как политические методы применяются при осуществлении внешней политики, направленной на защиту или расширение сфер влияния, а для обоснования внутренней и внешней политики применяются одни и те же теории.

Процесс развития, однажды начавшись, не может долгое время топтаться на одном месте, и процесс развития означает нечто большее, чем просто направленное изменение. Развитие отличается от простого увеличения в размере; поскольку развитие означает постоянно возрастающую и увеличивающуюся дифференциацию и интеграцию.

Чем больше примитивное феодальное «Государство» расширяет сферу своего господства, тем более многочисленными становятся его подданные, и чем сильнее новые подданные интегрируются в «Государство», тем больше развивается политико-экономическое разделение труда, которое, в свою очередь, всегда приводит к появлению новых потребностей и новых средств их удовлетворения. **Процессы дифференциации и интеграции приводят к резкому увеличению неравенства между экономическими и социальными классовыми слоями и, следовательно, обостряют социальные напряжения и конфликты в соответствии с тем, что я назвал «законом агломерации капиталов» или просто «законом агломерации». Более того, всевозрастающая дифференциация становится одним из ключевых факторов для дальнейшего развития примитивного феодального государства и, еще в большей степени, для его стадии, завершающей развитие.**

По вполне понятным причинам мы не говорим о том, что подобное завершение представляет собой крах «Государства», и это совершенно не означает, что в результате конфликта с равным или более сильным государственным образованием примитивное феодальное «Государство» прекратит свое существование, как в случае, когда похожие феодальные государства, только высшего типа, исчезают в результате столкновения с более могущественным государством или находящимся на более высоком уровне развития, как это было в случае с Могольскими государствами Индии* или Уганды в их конфликтах с Великобританией. Данное завершение также не означает ситуацию застоя, в которую попали Персия и Турция, которые со временем должны выйти из такой ситуации либо с опорой на собственные силы, либо в результате внешнего вмешательства. В данном случае мы не рассматриваем и пример жесткой Китайской империи, которая продолжает свое существование по причине воздержания иностранных держав от вмешательства в ее внутренние дела**.

Результат, к которому мы подошли в ходе обсуждения, означает дальнейшее развитие первобытного феодального

* Империя Великих Моголов — тимуридское государство, существовавшее на территории современных Индии, Пакистана, Бангладеш и Юго-Восточного Афганистана до середины XVIII века. В сентябре 1858 года английские войска штурмом взяли Дели, Бахадур-шах сдался в плен. Англичане объявили о ликвидации Могольской империи. — *Прим. перев.*

** Если бы у нас было больше места, подробное изложение этого исключительного развития феодального государства было бы заманчиво. Китай заслуживает более подробного обсуждения, поскольку во многих аспектах он подошел к вопросу о «свободном гражданстве» наиболее близко, чем любой народ Западной Европы. Китай преодолел последствия феодальной системы более основательно, чем мы, европейцы, и уже на ранних этапах своего развития защитил многие имущественные интересы на земле так, что капитализм не смог возникнуть; кроме того, они в значительной степени решили свои проблемы кооперативного производства и кооперативного распределения. — *Прим. авт.*

государства, что особенно важно для нашего понимания всеобщей истории. При изучении основных направлений развития мы столкнулись с их внутренней двойственностью и существенным различием их характеров. Данная противоположность обусловлена исходными противоречиями между двумя видами экономического богатства, на которых основывается, каждое из которых увеличивается в соответствии с «**законом агломерации капиталов**». В первом случае это движимое имущество — торговый капитал, а во втором — земельная собственность, которая со временем переходит в руки все более ограниченного круга лиц, в результате чего приводит к радикальной смене классовой структуры общества, а вслед за ней и структуры самого «Государства».

Морские государства, с их развитыми отношениями в части движимого имущества, представляют собой пример первой системы, а материковые государства, обладающие богатым опытом в вопросах земельной собственности, представляют собой пример второй системы. Конечным результатом первой системы является капиталистическая эксплуатация рабства*, а конечным результатом второй системы — развитое феодальное государство.

Капиталистическая эксплуатация рабства, характерный результат развития средиземноморских «античных государств», не заканчивается гибелью «Государства», которое тогда незначительно, а заканчивается гибелью народов из-за непомерного расходования населения. В родословной исторического развития «Государства» данная форма образует побочную ветвь, от которой не может произойти никакого дальнейшего непосредственного роста.

С другой стороны, развитие феодальное «Государство» представляет собой главное русло, основное направление

* Рабства не в смысле рабского труда, который ничем не отличается от крепостного труда, а рабства как рабовладения-рабопотребления — массового капиталистического производства и масштабного потребления рабов. — *Прим. перев.*

развития государства и поэтому будет источником дальнейшего роста государства, — постепенно оно пройдет стадии феодализма, абсолютизма, конституционного «Государства» и, будем надеяться на точность наших прогнозов, со временем трансформируется в «свободное гражданство свободных людей».

До тех пор пока «Государство» развивалось в основном русле, мы рассматривали только его, но сейчас мы будем рассматривать все производные формы «Государства».

Свое исследование мы продолжим изучением морских «Государств», хотя они и не самые ранние формы государственных образований, — первые мощные «Государства» были материковыми структурами, которые со временем преобразовались в развитые феодальные «Государства». При этом не все материковые структуры, по крайней мере из тех, что представляют для нас интерес, дошли до стадии развитого феодального «Государства», — большинство подобных образований либо застыли в своем развитии, либо попали в сферу влияния морских «Государств» и со временем пришли в упадок из-за разлагавшей капиталистической эксплуатации рабства, которая была занесена им морскими державами.

Дальнейшее развитие феодального «Государства» могло происходить только после ослабления морских «Государств». Но при этом формы правления и идеи, разработанные в морских «Государствах», оказали огромное влияние при создании новых государств, появившихся на их руинах.

Именно по этой причине необходимо ознакомиться с историей морских «Государств», поскольку их идеи лежат в основе высших форм «Государства». Исследовав боковую ветвь, мы вернемся в исходную точку — примитивное феодальное «Государство», ознакомимся с вопросами развития современного конституционного «Государства» и рассмотрим варианты формирования «свободного гражданства свободных людей».